

18+

Сергей Петрович Лабутин

*Агент
советского
гестапо*

Сергей Лабутин

Агент советского гестапо

<https://litres.ru/74286457>

ISBN 9785007077187

Аннотация

Повесть Сергея Лабутина «Агент советского гестапо» рассказывает о некоторых аспектах работы комитета государственной безопасности СССР.

Содержание

Глава первая	12
Глава вторая	19
Глава третья	23
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Агент советского гестапо

Сергей Петрович Лабутин

© Сергей Петрович Лабутин, 2026

ISBN 978-5-0070-7718-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Агент советского гестапо
повесть

пролог

Весной 1969 года в городе Холмске — на — Сахалине ночью сгорел небольшой деревянный дом. Это было мое «боевое крещение»» в качестве пожарного СВПЧ- 6, куда я пошел работать из Холмского узла связи, поддавшись длительным уговорам моих товарищей, к тому времени уже работавших в пожарной части. То ли возможность иметь три выходных кряду, то ли возможность (в шестнадцать лет) пощеголять в военной форме, то ли романтика работы, а может и все вместе, повлияло на меня, но я стал пожарным. И первый свой пожар

помню хорошо. Не потому, что он был первым, а потому, что на пепелище я нашел нечто, что и определило мою дальнейшую судьбу. Именно этой ночью, в обмундировании пожарного, мокрый, грязный, усталый я оказался на пути, приведшем меня в итоге в литературу.

Этот дом горел, как горят все деревянные дома: быстро, ярко и жарко. Дотла. Он сгорел, а мы, собрав рукава, сидели на пепелище, ожидая, когда инспекторы проведут расследование.

Начало светать, и я заметил под кучей хлама какую-то металлическую коробку. Открыв ее, увидел пачку полусгоревших писем, несколько фотографий и толстую общую тетрадь, разбухшую от воды.

Слипшиеся листы плохо перелистывались, и я уже хотел отбросить находку в сторону, как вдруг, где-то на половине, тетрадь раскрылась сама и, мне бросилось в глаза словосочетание: «„Советское гестапо“». Меня словно током ударило. Ведь всего неделю назад я давал присягу работника внутренних дел, а перед этим зам. начальника СВПЧ — б с глазу на глаз убеждал меня, что советский пожарный — это тот же пограничник, только на охране социалистической собственности. Он много говорил о диверсантах, проникающих в нашу пограничную область с намерением сжечь все и вся, о роли работников внутренних дел, о том, что наше советское правительство олицетворяет собой саму справедливость, а

наша родная Коммунистическая партия Советского Союза есть высшее благо для трудового народа. Что я должен готовить себя к беззаветному служению этой самой партии. И пристально — строго посмотрев в мои шестнадцатилетние, мало что понимающие, но принимающие все на веру, глаза — отпустил.

Я хотел вернуть эту тетрадь на место, но передумал. Воспользовавшись тем, что остальные пожарные грузились в машины, я сунул тетрадь за пазуху. Когда сменились караулы, я пришел домой и положил тетрадь на антресоли, чтоб потом, когда подсохнет, прочитать. Но «„потом“» наступило аж через двадцать один год. Сейчас остается только гадать, как эта рукопись столько лет путешествовала со мной?

В 1990 году я сжег свой писательский архив. Захотелось освободиться от старого груза. Может это и озорство, но архив я сжег, несмотря на увещевания жены, которая подавала мне папки с рукописями, вырезками из газет, старыми письмами. Я, не разглядывая, кидал папки в печь.

Может, и последняя папка так же сгорела, если бы не порвались вязки. Рукописи скользнули на пол, и среди них объявилась та самая тетрадь, о которой я забыл напрочь. И сразу перед глазами предстало то пепелище и «„Советское гестапо“».

Жена, довольная, что я образумился, принялась хло-

потать по хозяйству, а я, уединившись в комнате, стал осторожно перелистывать уже пожелтевшие страницы с почти выцветшими чернилами.

С пятое на десятое, разбирая еле видимые строчки, я все-таки прочитал тетрадь. Это были записки бывшего работника госбезопасности, написанные, видимо, в состоянии страшного опьянения.

Пробираясь через весь этот вздор, я увидел, что вырисовывается довольно-таки интересная картина. Если приложить умение и терпение, то может получиться интересный рассказ. Однако потом мне пришла неплохая мысль — раздвинуть рамки сюжета и работать повесть. А чтобы не обвинили в плагиате, основную линию сюжета вести от имени главного героя.

Я ввел в произведение новых героев, перенес место и время действия, дополнил повествование лирическими отступлениями, и получилось то, что принято называть художественным произведением со всеми атрибутами.

Таким образом, я получил возможность издать повесть под своим именем. В декабре 1990 года повесть была написана, а в августе 1991 мне довелось по личным делам быть в Москве.

Жарко, пить хочется. Зашел в пивбар, взял две кружки пива, балычка. Сел за столик. За соседним столиком сидел старик в грязной рубашке и рваных башмаках на

босу ногу. Перед ним стояла бутылка какого-то вина. Старик сидел молча, пил вино и смотрел перед собой. Потом вдруг вскинул голову, посмотрел на меня.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

Я пожал плечами и продолжал отхлебывать из кружки. Старик подвинул стул к моему столику, наклонил ко мне голову.

— Я агент, — прошептал он.

— Очень приятно, — лениво сказал я, — какой разведки?

— Дурак! — презрительно сощурился он и наставил на меня грязный указательный палец,

— Пух!

— Пошел вон, — так же лениво сказал я и отвернулся.

Старик выпил остатки вина, закусил чем-то и снова подсел ко мне.

— Что, агент, еще выпить хочешь? — усмехнулся я.

— Напрасно смеешься, — серьезно ответил он.

— С чего ты взял, что я смеюсь?

— А ни с чего, смеешься и все.

— Ну, как хочешь, — парировал я, — могу угостить.

— Поздно, — грустно сказал старик.

— Чего поздно? — не понял я, — до закрытия далеко.

— Я не про это, — отмахнулся он, — умру я скоро.

Я с удивлением и опаской посмотрел на него.

— Сколько же тебе лет?

— Не твое дело, — огрызнулся старик.

— Ну, тогда не приставай ко мне.

— А я и не пристаю, я прощаюсь.

— С кем?

— С тобой

— Мы что, знакомы? — усмехнулся я.

— Это не важно. Я скоро умру. Хочется, чтобы рядом был кто-то.

— Ты это брось, — рассердился я, — иди к своим родным, с ними и попрощайся.

— Я с ними уже простился.

— Когда?

— Давно.

Я хмыкнул и предложил ему пива.

— Нет, — помотал он головой, — не хочу.

— Тогда иди домой, — посоветовал я.

— Нет у меня дома.

— А где ты живешь?

Он развел руками.

— Все понятно, — вздохнул я, — божий человек.

— Нет, — протяжно сказал старик, — я не божий человек, я агент советского гестапо...

По моей спине побежали мурашки, губы пересохли.

Старик привалился спиной к стене и что-то бормотал.

— Эй! — позвал я его, — вы были на Сахалине?

Он на мгновение открыл глаза:

— Я жил в Холмске, но когда сгорел мой дом — уехал в Новгород, а потом сюда, — он стал задыхаться. Я протянул ему свой бокал, но старик отвел мою руку.

— Поздно, — пробормотал он и уронил голову на грудь. Подошел бармен.

— Что с ним? — спросил он у меня.

— Спит, наверное.

Бармен позвал старика:

— Эй, вставай, вставай! — но старик молчал. Бармен приподнял его голову за подбородок и с воплем отскочил. Присутствующие в баре подошли к нам и стали переговариваться. Бармен бросился к телефону — вызывать «скорую» и милицию. Минут через двадцать приехала «скорая», а с нею два милиционера. Врач констатировал смерть. Милиционеры, опросив всех нас, составили протокол. Старика уложили на носилки, погрузили в машину и увезли.

Ошарашенный всем этим, я приехал домой, еще раз перечитал повесть, присвоил ей название «Агент советского гестапо»», добавил малюсенький пролог, чтоб хоть как-то сблизить правду с вымыслом.

Я не претендую на исключительность моей повести, ибо, кто его знает, может, есть еще подобные «агенты»», которые прочитают повесть и скажут: «Эка невидаль, мы еще и не то «могём»».

Но смысл моей повести вовсе не в воспевании советских «джеймс бондов», а в том, что судьба наша до сих пор находится в руках подобных «агентов», ставящих свое ремесло во главу угла нашего большого человеческого Дома.

Глава первая

23 февраля 1953 года я был вызван к начальнику Управления госбезопасности по Н-ской области.

В приемной находились два майора пограничных войск. Увидев меня, майоры встали и, хотя я был в штатском, отдали мне честь. Бесшумно отворились двери, и помощник пригласил меня в кабинет. Начальник сидел за столом. Перед ним стоял поднос с завтраком, из чего я сделал вывод, что начальник всю ночь провел у себя. Значит, случилось что-то серьезное.

— Майоров в приемной видел? — спросил начальник.

— Так точно, — ответил я.

— Это тебе... в помощь.

Он замолчал, и долго, изучающе смотрел на меня. Я стоял и лихорадочно соображал, что бы это могло означать? Я только что вернулся из «командировки», и мне положено было отдыхать целый месяц. Но меня снова хотят куда-то послать. И никому нет дела до того, что у меня может быть своя жизнь.

Начальник стал перекладывать с места на место какие-то бумаги, потом откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на меня. Я уже не на шутку заволновался: может это проверка? Наконец начальник тяжело вздохнул, поднялся из-за стола, стал ходить по кабинету.

— Мы долго думали, кому поручить ЭТО дело, и остановились на твоей кандидатуре.

Когда начальник говорил: «Мы долго думали» — это следовало понимать, что вопрос решался в Москве. И все вопросы отменялись сразу. И поэтому я сказал, что готов выполнить задание. Я, конечно, понимал, что нужно кого-то убрать, но присутствие в приемной двух майоров несколько озадачило меня. Всегда я действовал один, а тут сразу два свидетеля. Чем я занимаюсь, знает лишь мой начальник да кое-кто в Москве. Для всех остальных я обыкновенный офицер госбезопасности. «„Завтра вы полетите в Копейск, — тихо сказал начальник, по нашим сведениям там находится один человек, служивший до войны в нашей системе. Как недавно выяснилось, он не погиб во время бомбежки, а сбежал, захватив с собой один секретный документ. Лаврентий Павлович очень просил найти этот документ. Я понимаю, — продолжал начальник, — тебя удивляет, что действовать будешь не один, но иначе нельзя. Эти майоры все тебе объяснят. Твоя задача — найти документ и помочь этому „коллекционеру“ забыть о нем. Срок — десять суток“».

Я вышел в приемную. Майоры сидели на своих местах. Их тревожные взгляды остановились на мне.

— Встречаемся через два часа, — сказал я.

Вернувшись в свой кабинет, я стал просчитывать разговор с начальником. Дело не представлялось мне сложным. Найти человека не так уж трудно. Труднее будет найти документ.

Но этим делом занимается лично Берия. Значит тот, кто желает заполучить документ, состоит в окружении либо Сталина, либо... Мне стало жарко. Да еще эти майоры! Контроль? На случай, если найду документ? Собачья жизнь! Сегодня ты лаешь на тех, кто неугоден твоему хозяину, а завтра они, помирившись, в знак «вечной дружбы» забьют тебя камнями, и первый камень бросит твой хозяин... Что же делать? Исчезнуть с майорами вместе? Но я не знаю их полномочий. Если им приказано убрать меня, то, когда? Мне же насчет их никаких указаний не было. Они же будут «пасти» меня, пока я не найду документ. А потом? И где гарантии, что майоры будут одни? Нет никаких гарантий. Значит, начинать спасать себя нужно немедленно.

Единственным человеком, кто мог бы мне помочь, был мой брат — близнец, живший в Орле. В свое время, при заполнении анкеты, не зная почему, я умолчал о нем, а проверка, по-видимому, дала сбой. И я вошел в систему госбезопасности как единственный сын своих родителей, умерших еще в 1922 году. В конце сорок пятого мы с братом случайно встретились в Орле, где он работал сторожем на складах райпотребсоюза.

Выяснилось, что после смерти наших родителей (я тогда уже учился в Москве), он, в поисках лучшей доли, попал в Орел. Прижился там, а вскоре женился и взял фамилию жены. А тут война. Воевал разведчиком, но как-то так вышло, что ни званий, ни орденов не заслужил. Когда он вернулся в

Орел, то узнал, что его семья погибла при бомбежке. Запил, было, брат поначалу, но потом пересилил свою беду. Родственники жены устроили его сторожем, и вот уже восемь лет он по ночам стерег склады райпотребсоюза. Писем я ему писать не велел, но через племянника его жены мы изредка поддерживали связь. И как раз сегодня вечером он должен был заявить о своем приезде. Понемногу стал проясняться план моих действий. В дверь постучали.

— Можно, — крикнул я.

Вошли оба майора, одетые в штатское. Голубоглазые, с седыми висками гладко выбритые они производили впечатление. И если бы не безукоризненная военная выправка, их можно было бы принять за преподавателей математики в старших классах.

— Проходите, — сказал я, предлагая им присесть, — времени у нас мало. Ваша задача?

— Общая задача — найти документ.

— Он действительно существует?

— Почти сто процентов вероятности.

— Вы знаете содержание документа?

— Нет, но мы знаем шифр к сейфу, в котором находится документ. Если вскрыть сейф принудительно — произойдет взрыв.

— Вы скажете мне шифр?

— Нет.

— Кто еще знает шифр?

— Ваш начальник.

— А еще кто?

— Вероятно, в Москве знают.

«Вероятно, вероятно...". Это предположение насторожило меня. Если шифр был известен Москве раньше, то вряд ли понадобилась бы помощь наших майоров. Значит, в Москве о шифре узнали недавно и, конечно же, узнали от моего начальника, а он от майоров. Остается выяснить, как майоры узнали об этом шифре?

— Как случилось, что документ попал к вам?

— Не документ, — поправил меня один из майоров, — документы. Перед самым началом войны к нам в штаб доставили перебежчика и целую папку документов, находившуюся при нем. Штаб наш переезжал к месту новой дислокации, основные документы были уже отправлены. Мы же занимались отправкой штабного инвентаря. И вот перед нами немец и документы. Немец говорит, что скоро будет наступление, просит передать документы нашему начальству. Говорит, что они очень важные, они нужны Москве.

Мы немцу не поверили, но, на всякий случай, спрятали эти документы в случайно подвернувшийся сейф английского производства. Этакий небольшой чемоданчик из тугоплавкого металла, обшитый «крокодиловой кожей». Имеет два встроенных замка, снабженных электромеханической блокировкой.

Разбирая устройство замков, мы наткнулись на одну

принципиальную неточность, позволившую нам придумать совершенно новую систему кодов, на основе которых и был составлен шифр. Если раньше замки могли отпираться в любой последовательности, то теперь необходимо было применить целый ряд алгоритмов.

— И какое же число вариантов, — спросил я?

— Цифра астрономическая. Для нахождения нужных алгоритмов понадобится пятьсот лет.

— Значит, опасения беспочвенны?

— Не совсем. У сейфа есть «ахиллесова пята». Если обработать замки переменным током определенной частоты, то блокировка снимается, и этот чемоданчик можно открыть простой отверткой.

— Кто еще знает об этом?

— Знал еще один человек — дивизионный шифровальщик. Он тогда помогал нам. Мы поручили ему отправить сейф утром, но утром началась война. Бомбежка, артобстрел... Шифровальщик ночевал в селе, а мы всю ночь провели у реки, соловьев слушали... Когда немецкая авиация отбомбилась, мы бросились в военный городок, но от него остались только кучи битого кирпича, а тут немецкая мотопехота...

— Как вы узнали, что шифровальщик жив?

— Мы этого не знаем.

— Откуда же уверенность, что сейф находится в Копейске?

— Это не наше предположение.

— Что вы предлагаете?

— Ничего конкретного у нас нет.

— Хорошо, — устало сказал я, — встречаемся ночью на аэродроме...

Отпустив майоров, я подошел к высокому окну — мой кабинет находился на четвертом этаже, в самом углу длинного коридора. Таким образом, в кабинете было два окна: одно выходило на центральную улицу, а другое на перекресток, и вот этот самый перекресток пересекали два (уже моих) майора.

Перейдя на другую сторону улицы, они, не спеша, пошли по тротуару...

Глава вторая

По забрызганному грязью тротуару, уравновешенной походкой, рука об руку шли два человека. Тот, что был ростом пониже, говорил своему спутнику:

— Все это глупо, Федор. Не верю я, что сейф в Копейске. Трудно в это поверить.

— А где же он?

— У меня есть два предположения: или он давно вскрыт, или его до сих пор не нашли.

— Но откуда Москве известно о нем? Я имею в виду документ, о котором знало лишь четыре человека? Перебежчик погиб, шифровальщик, вероятно, тоже погиб. Если бы он остался жив, то об этом документе Москва узнала бы давно.

— Каким образом?

— Шифровальщик знал шифр.

— Он не знал его! Вспомни, Иван, что было, когда привели немца?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не спеши, Иван, вспоминай. Как был одет перебежчик?

— Погоди, Федор, погоди. Ты хочешь знать, помню ли я что-либо особенного в одежде немца?

— Да.

— Ну, во-первых, он был без головного убора.

— Верно.

— На нем были гимнастерка, брюки, ботинки... на поясе ремень... и пустые ножны...

— Вспоминай, Иван.

— В руке он держал сумку-планшет.

— Правильно, Иван, — подстегивал его товарищ, — но было еще что-то.

— Я вспомнил! На руке у немца были часы.

— Точно. А что делали мы?

— Мы смотрели документы, но ничего особенного не обнаружили.

— Верно, не обнаружили, а знаешь, почему?

— Догадываюсь. Мы смотрели документы на немецком языке, но там были еще документы, написанные то ли по-грузински, то ли по-арабски.

— Да, Иван, я помню их. Немецкие документы мы прочли — в них ничего, кроме призыва быть готовыми к наступлению не было. Мы посчитали это за провокацию. А восточные письма мы даже и разглядывать не стали.

— Правильно, Федор. Мы записали документы обратно в планшет, и в это время зашел шифровальщик. Спросил о немце.

Мы сказали, что это перебежчик, принес немецкие приказы военного характера, и что нам некуда их спрятать. Шифровальщик вышел, но вскоре вернулся с чемоданчиком-сейфом.

— Еще он принес карту-схему замков.

— Да, и мы засели за составление шифра.

— Правильно, а где был шифровальщик?

— Он позвал солдат, чтобы отвести немца в столовую. А потом присоединился к нам, и мы втроем стали работать.

— Совершенно верно, Иван. Но до того, как сесть с нами за стол, шифровальщик вышел вслед за немцем и вернулся, когда у нас был готов первый алгоритм. Но мы были так поглощены работой, что и этому моменту не придали должного значения. Но я краем глаза заметил на руке шифровальщика часы, хотя раньше у него часов не было.

— Выходит, он упросил немца «подарить» ему часы?

— Да. И это самое главное.

— Часы?

— Нет, Иван. Главное то, что шифровальщик не мог знать ключа к шифру. Ведь мы с тобой сначала сделали ключ, а уж потом мудрили с замком.

— Верно, Федор. Значит, шифровальщик не знает ключа к шифру. Выходит, он, если остался жив, — открыть сейф не сможет?

— Если остался жив — сможет.

— Обработка переменным током?

— Да.

— Это маловероятно. Прошло столько лет, сейф можно было открыть давно.

— Вот здесь-то и кроется какая-то тайна...

— Может, ты и прав.

Глава третья

25 февраля 1953 года, рано утром мы прилетели в Копейск. Я знал, что за каждым пассажиром будут следить какие-нибудь невзрачные личности и, поэтому, подняв воротник пальто (на морозе это выглядело вполне естественно), ни на кого не глядя, я осторожно спустился по шаткому трапику и, смешавшись с остальными пассажирами, прошел в здание аэровокзала.

Багажа у меня не было, но у одного из майоров находился мой чемоданчик. Мы решили, что я заберу его тогда, когда буду совершенно уверен в отсутствии слежки. Само содержимое моего чемоданчика ни для кого не представляло интереса: книга Сервантеса «Дон Кихот» да набор ниток с иглами. Все. Однако сам чемодан таил в себе опасность. Он был сконструирован таким образом, что, при необходимости, разобрав крышку, можно было всего за несколько секунд собрать пистолет-маузер. Это был подарок брата. Вчера вечером приехал Игорь — племянник его погибшей жены. Передал этот чемоданчик и книгу «Дон Кихот». Сказал, что брат велел внимательно прочитать те места, которые он пометил карандашом — это была инструкция к его изобретению. Я написал ответ и на словах попросил Игоря передать дяде Саше (так звали брата), чтобы он после каждого первого слова вставлял Псалом Исайя26:3—4, а после каждого

третьего слова Псалом Иеремия 31:30. После каждого предложения по очереди: Исайя 53:8, Иоанн 1:12, Откровение 3:20 и в конце письма — Иезекииль 36:25—27. Еще в детстве мы с братом придумали свою тайнопись, пользовались ею в шутку, но вот сейчас она должна помочь мне всерьез...

С толпой пассажиров я прошел через зал ожидания и задержался в дверном тамбуре, якобы поправляя одежду. Мимо прошли оба майора, не обращая на меня никакого внимания. Поправляя шарф и опуская у шапки клапаны, я увидел через стеклянную дверь одного из пилотов нашего самолета. Он беседовал с невысоким полным брюнетом в цигейковом полушубке и в белых пимах с калошами. Пилот показал толстяку три пальца и отошел, а толстяк быстро подбежал к буфетной стойке и что-то сказал буфетчику. Тот кивнул головой и скрылся в подсобке. Сомнений не оставалось — за нами следили. Но кто, чьи эти люди, сколько их? Я вышел из вокзала. Пассажиры толпились на автобусной остановке. Майоров среди них не было. По нашему уговору мы должны были поселиться в разных местах города, чтобы легче было обнаружить слежку. Договорились встречаться раз в сутки на городском рынке. Условились, что если я нападу на след документов, то клапаны моей шапки будут подняты. И лишь тогда можно будет «нечаянно» встретиться у какой-нибудь шашлычной, за кружкой пива. Все другие свидания не предусматривались.

Зная, что с этого момента за мной будут следить, я сел

в первый же подошедший автобус. И сразу же выявил двух «не наших». Один занял позицию впереди меня, другой перекрыл собой выход. Они не могли быть моим прикрытием. Наша операция секретная, прикрытия не предполагалось. Значит, произошла утечка информации. А раз так, то операция уже провалилась. А может кто-то, узнав о существовании документов, решил сделать свою игру? Если это так — меня должны завербовать. А может, они упустили моих помощников и решили взять меня? Выходит, они знают, где сейф? Но тогда (логичнее всего) — меня нужно убрать. Но меня можно будет убрать лишь тогда, когда я выведу их на майоров. Значит, майоры даны для честной игры? А если так — нужно немедленно выпутываться. Но как? Справиться с этими двумя можно, а что если нас сопровождают? Водитель объявил остановку и стал притормаживать. Когда открылась дверь, я сделал пол-оборота и ударил стоящего у двери каблуком ботинка в пах, а вторым ударом в колено выбил его из автобуса на тротуар. Со стороны могло показаться, что пассажир неловко оступился и самостоятельно выпал из дверей. Наверно так оно и было, потому что второй «соглядатай» инстинктивно кинулся к своему товарищу и выскочил вслед за ним. Я тоже покинул автобус, и он поехал дальше. На остановке кроме нас никого не было. В это время завизжали тормоза, и возле нас остановился «Виллис». Из него выскочили мои майоры.

— Это наши люди, — закричали они негромко. «Согля-

датаи» неловко переступали с ноги на ногу.

— Ну что ж, — сказал я, — наши так наши.

Мы сели в «Виллис».

— Давайте знакомиться, — предложил я.

«Пинкертоны» представились: — Лейтенант Гусев, Лейтенант Кураков. Гусев представил водителя: — Сержант Шокин. Извините нас, товарищ подполковник, мы должны были встретить вас и развести по адресам, которые Вы нам должны были сообщить. Но вышла неувязка. Мы думали, что вы будете держаться вместе. Ваших помощников мы увидели сразу, а вот Вас упустили. И каково же было наше удивление, когда мы увидели, что Вы садитесь в автобус. А тут, как на грех, машина не заводится, и нам ничего не оставалось, как поспешить в автобус, оставив ваших помощников на попечение сержанта.

— А как вы нас узнали? — небрежно спросил я.

— По фотографиям.

— ?!

— Не удивляйтесь. Все очень просто. Мы получили несколько фотографий, среди которых есть ваши. Нам приказано встретить вас, и выполнять ваши распоряжения.

— Официально?

— Нет, конечно.

— Кто с вами беседовал?

— Был человек из Москвы. Передал фотографии и инструкции.

— Кто еще присутствовал?

— Никто.

— Где вы получали инструкции?

— В управлении.

— Точнее.

— В кабинете у начальника.

— А где был начальник?

— Его не было.

Стоп! Не может быть. В нашей системе запрещалось оставлять свои кабинеты без присмотра. Если хозяина кабинета — в данном случае начальника Управления — не было на месте, кабинет должен был быть закрытым на ключ. Таковы жесткие правила системы. Ежели кабинет был открыт, и в нем находились посторонние, а хозяина кабинета не было (если верить лейтенантам) — то это значит, что начальник Управления там был! И если «человек из Москвы» имитировал его отсутствие — мое дело швах. Я понял, что лейтенантов подставили. Значит, кто-то еще интересуется нашим заданием, и этот или эти имеют здесь большое влияние на начальника Управления госбезопасности, а может и наоборот. В таком случае, «человек из Москвы» тоже подставлен. Но кем и зачем?

— А что за инструкции вы получили? — так же равнодушно спросил я. Лейтенанты замялись.

— Да как Вам сказать, — неуверенно начал Гусев, — это не должно разглашаться.

— Ну, в данной ситуации — это неуместно, — парировал я. — Это, во-первых. А во-вторых, можно спросить и у вашего инструктора. Как его зовут? — Лейтенанты переглянулись:

— Он не представился.

«О Господи, — взмолился я, — кто вы такие, лейтенанты? Кто взял вас на службу? За такие дела братья — двух голов мало, а у вас и одной на двоих нет. Не представился. А вы спрашивали? За что вас взяли в органы, за красивые глаза?»

Чертыхаясь про себя, я сохранял невозмутимость. Лейтенанты удрученно притихли. Так, молча, мы продолжали ехать. Внезапно что-то насторожило меня. Я почувствовал опасность. Интуиция, никогда не подводившая меня в самых несуразных обстоятельствах, вновь заработала. Источник опасности был рядом! Сердце забилось, зачесалась спина. Я сидел на переднем сиденье, и поэтому мог позволить себе принять полулежащую позу. Все хранили молчание. «Виллис» небыстро двигался по нечищеным улицам. Из-под прикрытых век я следил за маршрутом. До войны я два раза был в Копейске по личным делам, и немного изучил город. Сейчас, по моему разумению, мы подъезжали к рынку. Еще один перекресток — и справа от меня покажутся арочные ворота с фанерными буквами на перемычке: РЫНОК. Однако, не доезжая до перекрестка, водитель свернул влево, во двор какого-то старинного деревянного дома. Потом, чертыхнувшись, развернулся и снова выехал на эту же ули-

цу и повернул налево. Мое дыхание еще больше участилось, и я понял причину моего беспокойства: она была в десяти сантиметрах слева от меня. Опасность исходила от сержанта, который за все время не проронил ни звука. Он плохо знал город. Это подтвердил и тот факт, что несколько секунд назад наш водитель нарушил «Правила». При выезде со двора, на углу дома висел знак «Поворот налево запрещен». И водитель нарушил «Правила» вовсе не потому, что он пренебрег ими, а потому, что он не видел знака, что, конечно же, непростительно для профессионала, работающего в органах. Я стал исподволь разглядывать «сержанта». Вел машину он неплохо, но все же было заметно, что опыта у него не хватает. Я сам провел за баранкой в общей сложности почти двадцать лет, и мне были видны промахи нашего водителя. Я обратил внимание на его руки. Это были руки человека, никогда не дружившего с гаечным ключом. Ногти ухожены, чистые. Под ногтями тоже чисто. Полушубок хоть и поношен, но тоже чистый. На ногах собачьи унты. Лицо водителя представляло застывшую маску. Я чувствовал, как внутри его мощного, выпуклого — без морщин — лба, шла огромная работа ума. Мне казалось, что еще чуть-чуть, и я проникну в его мысли...

— Товарищ подполковник, — громыхнул над моим ухом голос Гусева. — Куда ехать? — На вокзал, — спокойно ответил я, одновременно заметив боковым зрением, как напряглось, заострилось лицо «сержанта». На какой вокзал? —

хрипло спросил он, и этим вопросом окончательно признался, что он не местный.

Любой местный житель знает, что вокзал может быть только железнодорожный и никакой больше, потому что это единственный вокзал в городе. Был, правда, небольшой вокзал местного аэропорта, но его никто не брал в расчет, поскольку он находился далеко за пределами Копейска. «Вот ты и попался, «дружок». Однако, чтобы не спугнуть «сержанта», я сказал довольно равнодушно:

— На железнодорожный, — и, видя, как недоуменно приподнялась бровь водителя, попросил остановиться.

— Что-то укачало. Да тут рядом, пройдемся пешком. А вы езжайте в Управление, доложите начальству, что встретили нас, развезли по адресам, а завтра мы сами явимся и обговорим все детали нашей командировки. Лейтенанты кивнули и приказали водителю ехать в Управление.

Машина уехала, а майоры недоуменно посмотрели на меня.

— Ничего страшного, — криво улыбнулся я, — немного голова закружилась. Скоро пройдет.

— Куда же теперь?

— Что же дальше?

Майоры ждали от меня ответа, но я не хотел первым объявить, что наши дела плохи. Я хотел, чтобы майоры дошли до этого сами. Но они созревали очень медленно, поэтому я вынужден был сказать, что встреча с лейтенантами не вхо-

дила в мои планы.

— Утечка информации?

— Получается так, — подтвердил я.

— Что же делать?

— Искать ночлег. Вы сейчас зайдете в подъезд, оставите там чемоданчик и пойдете по указанным адресам. Встречаемся на рынке согласно договору.

Майоры зашли в подъезд дома, на который я указал, и тут же вышли, но уже без чемоданчика. Я легонько кивнул им, в знак прощания, и они скрылись за углом. Незаметно осмотревшись, я зашел в подъезд, и в это время слышался скрип тормозов. Я оказался прав! Это был «Виллис». За рулем сидел «сержант». Лейтенантов в машине не было. Это упрощало дело. Нажав невидимые кнопки в чемоданчике, я разобрал его крышку, и через несколько секунд у меня в руках оказался пистолет — маузер облегченного типа, с укороченным стволом с глушителем.

Загнав патрон в ствол, я выглянул на улицу. «Сержант» все еще сидел за рулем, и через приспущенное стекло пассажирской дверки вглядывался в полумрак моего подъезда. На втором этаже слышались голоса — кто-то с кем-то прощался.

Времени у меня не оставалось. Я глубоко вздохнул, задержал дыхание, высунулся из своего угла и вскинул пистолет. Выстрела я не услышал, что-то теплое дрогнуло в руке — и только. «Сержант» оставался неподвижен. Наверху хлоп-

нули двери, слышались шаги. Я спрятал маузер за пазуху и вышел из подъезда. Спокойно подошел к машине, открыл дверцу со стороны водителя, бросил чемоданчик на заднее сиденье, передвинул «Сержанта» на пассажирское место и сел за руль. Мотор работал, поэтому мне оставалось лишь выжать сцепление и включить передачу. «Куда же теперь? «», — думал я.

На повороте голова «сержанта» повернулась, и я с удовлетворением отметил свою «работу»: Пуля вошла точно в переносицу. Он даже не успел закрыть глаза.

Я обыскал его, но кроме пистолета «ТТ» и нескольких десятков рублей ничего не нашел. В душу закралось сомнение — а того ли я «шлепнул»? Не ошибся ли? Рука «сержанта» опустилась ниже, и я увидел на запястье часы, они показывали 11.50. Я решил ехать в аэропорт. Пусть его найдут там. Лейтенанты скажут, что ничего не знают, потому что он им ничего не сказал — в этом я был уверен. Он решил вести игру, но ему не повезло. Я открыл «бардачок» и не смог удержать улыбку. Вот оно — доказательство моей правоты: карта города и несколько фотографий с изображением главных улиц, перекрестков и площадей. Были здесь и наши фотографии... Вот моя, а вот и майоры...

— Так вот ты какой «человек из Москвы». — Ну что ж, посмотрим кто кого...

Глава четвертая

Уже смеркалось, когда постовой милиционер старшина Морев обратил внимание на одинокий «Виллис», стоявший неподалеку от багажного отделения вокзала.

Постукивая каблуком о каблук, он неторопливо подошел к машине и заглянул через заиндевевшее стекло внутрь. Ему показалось, что в машине кто-то есть. Старшина открыл дверцу и оторопел. На пассажирском месте сидел человек с простреленной переносицей. Он был мертв. Старшина захлопнул дверцу и поспешил в дежурку. Сообщив по телефону о происшествии в отделение милиции, Морев стал составлять рапорт. Вскоре подъехала машина из уголовного розыска с двумя оперуполномоченными и врачом. Осмотрев убитого, врач заключил, что смерть наступила около четырех часов назад от огнестрельной раны в область переносицы. Осмотр убитого и машины ничего не дал. Пока оперуполномоченные составляли протокол, Морев несколько раз обошел вокруг «Виллиса». Старшина посмотрел на номер машины, и он показался ему знакомым. Именно этот номер имела машина, на которой месяц назад его отвозили из Управления госбезопасности, после «дружеской беседы» с начальником по вопросу перехода работать к ним. Морев сослался на возраст, на нехватку образования, на что начальник ответил, что все это ерунда. Главное — желание защи-

щать страну от внутренних врагов. Он распорядился отвезти старшину домой, и на прощанье многозначительно подмигнул:

— Приглашение работать у нас многие почитают за награду. Подумай. Но старшина, нашел в себе мужество отказаться, и от него отступились.

— Товарищ оперуполномоченный, — обратился Морев к одному из них.

— Чего тебе?

— Эта машина из госбезопасности.

Все переглянулись.

— Ты что, старшина, в уме ли?

— Ну, зачем же так? — нахмурился Морев, — я помню этот номер.

— Да-а, — протянул врач, — дела... А кто же убитый? Вот это каша заварилась. Теперь затаскают... эх мать-перемать!

— Я пойду, позвоню им, — удрученно сказал Морев.

— Звони, — закивали все. Старшина позвонил в Управление и вернулся.

— Ну что? — осторожно спросил врач.

— Скоро будут, — ответил старшина.

Понемногу стали собираться зеваки, но Морев быстро разогнал их. Вскоре подъехал такой же «Виллис». Из него вышли двое в одинаковых пальто с каракулевыми воротниками и таких же каракулевых шапках. Молча подошли к ма-

шине с убитым, переглянулись.

— Кто это? — строго спросил один из них.

— Не знаем, — пожали плечами оперуполномоченные.

— Когда обнаружили?

— Около часа тому, — сказал Морев. — Здесь мой пост. Гляжу, стоит машина и стоит. Ну и подошел, а тут вон какое дело. Машина-то ваша?

— Машина наша.

— А убитый?

— Мы его не знаем. Вы составили протокол?

— Да, да, — заволновались сыщики, — возьмете с собой?

— Нет. Дадите ему законный ход. — Один из сотрудников госбезопасности открыл капот:

— Радиатор заморозило, придется буксировать.

— Еще чего не хватало, — огрызнулся другой, — перенесем труп в нашу машину, а буксировкой займутся, кому положено.

Морев помог перенести тело убитого во второй «Виллис», и машина уехала.

— Ну и что дальше? — спросил он.

— А кто его знает, — развели руками оперуполномоченные.

— Угораздило же этому случиться в мою смену, — зло сплюнул Морев, — ходи теперь... доказывай. «Ну ладно, старшина, — сказал врач, — у нас тоже проблемы будут. Но не горюй, все образуется».

Они уехали, а Морев прошел в дежурку, поставил чайник на плиту и стал буквально по минутам восстанавливать сегодняшний день:

6.00 — подъем, завтрак.

7.00 — вышел из дому.

7.50 — прибыл в отделение милиции.

8.00 — развод.

9.00 — прибыл в аэропорт, принял пост.

11.00 — сходил в буфет за булочками.

11.30 — пил чай.

12.00 — снова на посту... А был ли «Виллис» в это время здесь? Морев призвал на помощь зрительную и мышечную память. Нет, «Виллиса» не было. Он появился позже. А где же я был? А.. в уборной. Точно! Когда шел обратно, краем глаза увидел какую-то машину... так-так. Значит, «Виллис» появился между 11-ю и 12-ю, надо будет записать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.